

Заглавие документа: Зелезинская, Н.С. Трансформация повествования о Лукреции от Ливия до Шекспира / Н.С. Зелезинская // Актуальные проблемы исследования англоязычных литератур: междунар. сб. науч. ст. Вып. 7. Классики и современники / под общ. Ред. А.М. Бутырчик. Минск: РІВШ, 2008. — С. 21–28.

Автор: Зелезинская, Наталья Станиславовна

Тема: Шекспироведение

Дата публикации: 2006

Издатель: Белорусский государственный университет

Аннотация: *В рамках дискурса о Лукреции в статье анализируются тексты Ливия, Овидия, Августина Блаженного, Жана де Мена, Дж. Чосера, Дж. Гауэра, У. Пейнтера и других авторов с целью сопоставления их версий с версией У.Шекспира, предложенной последним в поэме «Лукреция». Сопоставление производится на нескольких уровнях (композиционном, идейном, характерологическом), что позволяет не только выявить сходства и расхождения в фабуле, мотивах и образе главной героини, но и выделить среди анализируемых произведений тексты-источники поэмы Шекспира. Хронологическое рассмотрение текстов позволяет проследить как определенные традиции повествования о Лукреции*

*Наталья Зелезинская,
Минск*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЛУКРЕЦИИ ОТ ЛИВИЯ ДО ШЕКСПИРА

С 5 века до н.э. по 17 век н.э. повествование о Лукреции отличалось беспримерной устойчивостью. За этот период были установлены определенные традиции повествования о Лукреции, традиции, столь наполненные различными версиями повествования, что исследователи вправе говорить о «дискурсе Лукреции» [11, с. 34]. История Лукреции – это «not one story but many stories» [8; с.3], в ней задействовано много тем: насилие, добродетель, красота, место женщины в обществе, свобода республики и самоубийство. Развитие последней темы, на которой мы хотели бы остановиться подробно, всегда находилось в зависимости от интерпретации всей истории. Как утверждает Сабрина Де Терк, «There is no doubt that the subject of Lucretia can bear a variety of meanings and interpretations related to the particular social structures of the culture in which she is represented.» [14, с.135] Шекспир изложил свое видение этой истории в 1594г. Для того чтобы понять, как писатель переносит современную ему идеологию на популярные мифические

повествования, необходимо противопоставить его версию Лукреции классическим источникам.

Реальная история произошла в 509 г. до н.э. Ливий описывает ее в «Истории от основания Рима». Во время тиранического правления семьи Тарквиния римские солдаты осаждали Ардею. Временное затишье застало некоторых из них, включая принца Секта Тарквиния, сидящими в лагере и обсуждающими достоинства своих жен. Муж Лукреции, Коллатин, предложил мужчинам рискованное предприятие – съездить друг к другу домой, посмотреть, чем заняты жены, и убедиться, «сколь выше прочих его Лукреция» [3, с. 522]. Они видят в Риме, что в то время, как другие жены проводят время на пышном пиру, Лукреция в компании своих прислужниц прядет и горюет из-за долгого отсутствия мужа. Мужчины единодушно признают ее лучшей. Тарквиний, чья похоть разгорелась от созерцания красоты и добродетели, спустя некоторое время возвращается один. Лукреция приветствует его с гостеприимством, полагаясь как другу мужа и как военному и светскому вышестоящему лицу. Посреди ночи он прокрадывается в спальню Лукреции с мечом, будит ее и «начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешая угрозы, со всех сторон ища доступа в женскую душу». [3, с.523] Видя непреклонность Лукреции, он угрожает позором: если она отринет его сексуальные домогательства или закричит, он убьет ее и раба и будет утверждать, будто застал их «в грязном прелюбодеянии». [3, с.523] Так он одолел ее непреклонность. Наутро Лукреция посылает за отцом, мужем и их верными друзьями. Женщина объясняет, что произошло, обвиняет Секта Тарквиния в насилии и в том, что тот «вошел гостем, а вышел врагом» [3, с.523], призывает мужчин отомстить и, когда все клянутся, закалывает себя кинжалом. Брут, сопровождавший Коллатина и отца Лукреции, вытаскивает оружие из ее груди и призывает мстить. Он вдохновляет римлян восстать против тирании, свергнуть Тарквиния, изгнать его из Рима и превратить римскую монархию в республику. Далее у Ливия описываются восстание и его последствия – изменение государственного строя. Приведенные в книге факты призваны поддержать идеологию государства.

Отметим интересующие нас детали. У Ливия основная причина самоубийства озвучена самой Лукрецией: нет смысла жить, «что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия?» [3, с.523]. О своем взвешенном решении говорит заранее («да будет мне свидетелем смерть» [3, с.523]) и решительно («себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизнь» [3, с.523]). Логично, что Лукреция выбирает традиционное римское холодное оружие – кинжал. Свидетели самоубийства предаются скорби, а затем скорбь превращается в гнев. Ливий прямо отрицает виновность Лукреции («впрочем, тело одно подверглось позору – душа невинна» [3, с.523], «грешит мысль – не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины» [3, с.523]).

Овидий в «Фастах» также исходит из политического значения происшествия в Коллатии. Однако начинается повествование с описания внешности Лукреции: «Все было в ней хорошо, хороши были скромные слезы //

И красотою лицо не уступало душе». [3, с.275] Если у историка Лукреция предстает решительной гордой римской матроной, то у поэта «задрожала она, как дрожит позабытая в хлеве // Крошка овечка, коль к ней страшный склоняется волк» [4, с.276]. Эмоции так захватывают ее, что «трижды пыталась начать и трижды она умолкала» [4, с.277]. Наконец, осилив признание, ничего не требуя, женщина убивает себя кинжалом. У Овидия причинами самоубийства становятся стыд и позор. В последний миг с кинжалом в груди героиня заботилась о том, чтобы «пристойно рухнуть» [4, с.277], отчего «к чести была ей и кончина ее». [4, с.277] Лукреция не извиняет себя, но другие называют ее «матроной с отвагою мужа» [4, с.278] и клянутся «святой и отважной кровью». [4, с.278]

Все авторы, обращавшиеся к истории Лукреции в средневековье, исходили из этих двух текстов. Более неуловимым и тонким, но более глубоким стало влияние Августина. В «Граде Божьем» он жестко критикует Лукрецию за то, что она сама вынесла себе приговор и умертвила себя, а значит, она признает свою вину либо в потворстве преступлению, либо в том, что получила от него удовольствие. К тому же, если жертва изнасилования чересчур гордилась своей невинностью, она не должна удивляться, что потеряла ее. То есть в определенной степени изнасилованная женщина заслуживает это. [см. 1]

Неоспорим тот факт, что «Град божий» Августина был одним из важнейших документов формирования христианского мировоззрения. Из-за его двусмысленных комментариев к удельному весу желания жертвы в изнасиловании каждый из последующих писателей считал своим долгом определить степень, если она вообще имелась, в какой Лукрецию можно считать виновной. Так Жан де Мен в «Роман о Розе» (13 век) пытается определить, совершила ли Лукреция суицид, потому что наслаждалась насилием или потому что была виновна в ответном желании к Тарквинию. Автор фактически использует историю Лукреции, чтобы заострить внимание на характерном для средневекового женоненастничества догмате о том, что достойных женщин не существует.

К елизаветинскому периоду римская история уже завоевала интерес англичан. Наиболее известные английские авторы повествований о Лукреции - Чосер и Гауэр - были знакомы с предыдущими текстами, но ставили другие цели. Чосер в пятой истории книги «The Legend of Good Women» хотел напомнить своей аудитории о существовании таких «verray trewe» [7, с.648] жен, как Лукреция. В «Прологе» говорится, что публикация вызвана желанием исправить вероломство Крессиды из «Троила и Крессиды». Таким образом, «Legend of Lucrese» представляет собой палинодию на тексты, порочащие имя женщины. Для Чосера самые важные характеристики героини – это ее добронравие, чистота, стойкость. Мы видим Лукрецию за традиционной работой «порядочной женщины», ее мысли заняты мужем и молитвами. Внешности автор уделяет внимание лишь, когда смотрит на женщину глазами восхищенного Тарквиния. Причиной того, что Лукреция поддается Тарквинию, Чосер называет страх перед скандалом и страх смерти. Лукреция Чосера теряет сознание и ничего не чувствует, что освобождает ее от августиновских

обвинений в удовольствии. Ее мучает другое – очерненное имя мужа. Из-за этого она и «*kaughte forth a knyf, // And therwithalle she rafte hirsself her lyf*». [7, с.651]

В повествовании Чосера значима не только речь, но и ее отсутствие. Из 205 строк легенды о Лукреции самой Лукреции принадлежат 12 строк, 8 из них – молитва за мужа. Молчание подчеркивает низкую самооценку героини и неспособность защитить себя, чего мы практически не чувствуем в первоисточнике. У Чосера Лукреция вызывает жалость. Он прямо признает ее невиновность, которую доказывает самоубийством. Самоубийство – вынужденный шаг; доказательство действительно необходимо: по словам отца и мужа не видно, что они считают Лукрецию невиновной. Следовательно, самоубийство предотвращает безвыходное положение и отчаяние. В заключении Чосер именует свою героиню святой, т.е. видит в ней символ христианки.

Примерно в то же время Джон Гауэр создает «*Confessio Amantis*», «*a love vision whose motive for a collection of exemplary stories is the poet-dreamer's confession of his sins against love*». [9, с.6]. Джон Гауэр делает Лукрецию воплощением женственности, благодаря которой пробуждается страсть насильника. В отличие от текстов римских авторов, ни у чосеровской, ни у гауэровской Лукреции нет гнева, нет уверенности в своей правоте, нет обвинения в тоне, нет намеренного желания заставить мужа наказать виновного, нет прямого отрицания своей причастности. Кульминация пассивной и подчиненной роли – эпизод, когда Лукреция умоляет семью не мстить, чтобы мир не знал о ее стыде. Еще одно объяснение самоубийства Лукреции кроется в ее последних словах: «*Not in time to come shall ever unchaste woman live through the example of Lucrece*». [9, с.60] По закону наказанием за измену была смерть, Лукреция хотела остаться убежденной, что ее случай не будет прецедентом для изменщицы избежать фатальных последствий своих действий.

Мы можем заключить, что для средневековой женщины причиной суицида было желание доказать свою невиновность другим, т.е. желание считаться невиновной в средневековой Англии было важнее, чем желание быть невиновной. Все вышесказанное «делает версию Гауэра типично средневековой историей». [6, с.419] Средневековые англичане, как и первые отцы христианства, не ставили под сомнение тот факт, что честь женщины дороже ее жизни и что ради первой можно пожертвовать второй.

Реалии эпохи Возрождения¹ трансформировали восприятие самоубийства и понятие добродетели (*virtu*) и, следовательно, интерпретацию истории Лукреции. Несмотря на всю утонченную литературу о любви и сексуальности, женская добродетель включала в первую очередь чистоту и безупречность (*chastity*), простоту, сдержанность, умеренность и скромность во всем: одежде, причёске, местах посещения, украшениях, появлениях в обществе и речах в

¹ кризисность эпохи Возрождения; идеи антропоцентризма; идея человеко-бога, предполагающая власть не только над своей жизнью, но и смертью; представления о смерти как о новом свободном и естественном существовании; наследие античности с ее восторженным преклонением перед многими видами самоубийства.

обществе. Молчание женщины расценивалось как признак скромной и целомудренной натуры, красноречие связывалось с распущенностью и сомнительной порядочностью. Сквозь призму подобного отношения к женщине формировался в эпоху Возрождения образ Лукреции. Он выбрал еще одну черту: слишком красноречивая и решительная римская матрона стала восприниматься не бессильной жертвой насилия, а потенциальной соучастницей. Это мнение ярко отражено в венецианской живописи позднего 16-го века, изображающей Лукрецию в чувственной и эротической манере. Более того, изменилось законодательство в отношении изнасилования: на практике доказать факт изнасилования стало практически невозможно, мелкие расхождения позволяли уличить истцу в вымысле и оправдать насильника. В результате, как утверждают МакДональд и Мерфи, многие жертвы изнасилования предпочитали самоубийство. [см. 10]

Все это предопределило особенности поэмы Шекспира «Лукреция» («The Rape of Lucrece», 1594), которая является самым длинным и детально проработанным повествованием о Лукреции, несмотря на то, что действие в поэме сокращено до минимума. Шекспир расставляет другие акценты.

Во-первых, он уделяет много внимания внешности и речам Лукреции. Интересно, что в версии Шекспира именно Коллатину пришлось в голову расписывать прелести жены, что и явилось пусковым механизмом всего действия. Красота Лукреции воспевается безудержно «Немеет в мире все пред красотой...» [5, строка 268] Также сразу заметно, что Лукреция Шекспира необыкновенно красноречива: она сама рассказывает обо всем происходящем и произошедшем, ее монологи длинны и поэтичны. Однако поражает другое: Лукреция говорит много, но безрезультатно. Сначала она напрасно уговаривает Тарквиния сжалиться и уйти, но он только свирепеет и ожесточается. После изнасилования голос подводит ее во второй раз, и она даже не может назвать имя насильника. Только в тексте Шекспира она оказывается неспособной объяснить, что с ней произошло – Коллатин, несмотря на потрясение, сам называет имя преступника.

Лукреции Шекспира присущи колебания и слабости, которые делают её более женственной и трогательной. Она признаётся, что испугалась Тарквиния: «Смерть от меча его была страшна» [1046] Автор называет ее «Лукрецией невинной» [382], «малюткой птичкой» [507], сравнивает с затравленной ланью. От Ливия к Шекспиру Лукреция становится более патетичной, ее гнев заменен на пафос – несколько романтизированный – отчаяния, ведущего к самоубийству.

Самоубийство, безусловно, является центральной темой произведения. Присутствие этого мотива мы ощущаем на протяжении всей поэмы. Так суицид Лукреции предвосхищен более ранней строкой 467 с метафорой о ранящем себя сердце: «May feel her heart – poor citizen! – distress, // Wounding itself to death...». Поведение Тарквиния также ассоциируется с моральным и политическим самоубийством. Убить себя в буквальном смысле желает ему Лукреция. Помимо этого, в тексте присутствуют две ссылки: на Нарцисса, который также покончил жизнь самоубийством, и на Гекубу, с которой

отождествляет себя героиня. О своем самоубийстве Лукреция говорит и размышляет столь много, что сама считает, что лучше ей было бы действовать, чем играть пустыми словами: «Нет, плесень слов не может тут помочь!» [1027]

Говоря о мотивах поступка главной героини, мы можем вычленим три разных потока, которые смешиваются и пересекаются, иногда противопоставляясь: античный, христианский и поток, который мы назовём примитивным.

Античная мысль, как и ожидается, побеждает. Как справедливо отмечает А.А. Аникст, «для Лукреции понятие о человеческом достоинстве воплощается именно в чести. Во имя ее она и решает уйти из жизни. Здесь нетрудно увидеть несомненное влияние морали стоицизма». [2, 182] Лукреция убивает себя, главным образом, чтобы спасти свою честь и честь семьи. Используя парадокс, ценимый в эпоху Возрождения, она утверждает, что её смерть возродит её честь: «Когда убью своею смертью стыд, // Из пепла честь, как феникс, воспарит». [1189-90] Поэт отмечает, что смерть даёт Лукреции бессмертие. «Удар ножа все узы разрешает // В темнице плоти, имя коей - тлен. // Крылатый дух взлетел, благословен...» [1725-27] Это бессмертие – земное: речь идёт о славе, оставшейся после добродетельной супруги.

Однако в шекспировской героине сильны и христианские мотивы. Есть соответствие Лукреции святой, а поэмы – жанру описания жития святых. Строки 85-86, 789-791 описывают Лукрецию и похоть Тарквиния исключительно христианскими терминами. 561-74 говорят о средневековых идеях брака как связи и клятв. Образ Лукреции связан с абстракциями (Время, Ночь, Случай), она ищет аналогии, что характерно для средневековья. Образы отчаяния и боли развиты во всех монологах. В страдании Лукреции поражает то, что она чувствует оскорбление всем телом. Изнасилование лишило Лукрецию сокровища: «Утраченное жизни ей дороже». [687] В таком средневековом ключе и воспринимается ею самоубийство: «Раз нет сокровища, то пользы мало // Разбить шкатулку, где оно лежало». [1056-57]

Всё ещё больше запутывается, когда Лукреция, решив покончить с собой, спохватывается и говорит, что вместе с телом потеряет душу, если оборвёт свою жизнь. Критики считают неуместными эти августиновские черты. Тем более, что запоздалая забота о вечном спасении вновь сменяется аргументами за самоубийство: если дворец души разрушен, то «Ужель кошунство - посудите сами! - // Коль крепости врата раскрою я, // Чтоб прочь в тоске ушла душа моя?» [1156-1176]

Кроме того, говорить о душе – значит говорить о виновности. Родственники единодушно отрицают ее вину, Тарквиний винит красоту и страх женщины, у Лукреции собственный взгляд. Через самоубийство римлянка утверждает и провозглашает свою моральную чистоту. Парадоксально, но функцией самоубийства может стать либо указание на виновного, либо, наоборот, снятие всех подозрений. Лукреция Шекспира также понимает, что ее слова против слова Тарквиния не помогут. Как говорит Филомела Терею, ««What is my word worth compared to yours?» [13, 276-77]. Обе мифические

женщины совершает более убедительный поступок – самоубийство, которое и придает силу их словам.

Внутри этого сплетения языческого мира с христианским мы распознаём более древнюю идею, которую можно назвать примитивной. Это тема мести: «Запятнанную кровь - вот мой завет! - //Тарквинию отдать! Ведь он виною, // Что кровь нечистая прольется мною». [1181-1183] Она так объясняет смысл своего самоубийства Коллатину: «Моя решимость - вот твоя отрада, // Ты отомстишь за мой позор сполна. // Тарквиний да погибнет! Цель ясна: // Я, друг и враг, себя низрину в Лету, // Но ты отмсти Тарквинию за это!» [1193-1195]

Мы хотим учесть еще один, не менее значимый, аспект самоубийства. Дело в том, что с самого начала идентификация героини производится мужчиной. Знаменитый комплимент Петрарки о «красном и белом» на щеках Лукреции означает идеальность описываемой женщины для описывающего мужчины. В похвалах мужа Лукреция предстает не как личность, а как предмет обладания, некое сокровище. Тарквиний завершает овеществление Лукреции, видя в ней олицетворение красоты и чистоты. В конце отец и муж спорят за право владеть телом Лукреции. Отношение мужчин представляет Лукрецию как объект владения. Но после изнасилования становятся очевидны попытки самоидентификации Лукреции. Она обретает право голоса, и так как речи ее не слышны, прибегает к действию. Главная героиня, наконец, становится агентом из объекта путем совершения самоубийства, которое реконструирует ее историю в другом ключе, в том виде, в котором видит себя она сама. Хотя Лукреция должна умереть, чтобы придать своей версии убедительность, она преуспевает в конструировании своей реальности. Многие исследователи отмечают, что суицид наделяет Лукрецию властью. [см. 12]

Лукреция как достойная римлянка, честная жена и невинная жертва в одном лице вызывает у Шекспира лишь позитивное отношение. По мнению автора, самоубийство для Лукреции – это единственный шанс быть услышанной и оправданной. При этом с точки зрения античного мировоззрения и эстетики самоубийство неизбежно и приветствуемо, с точки зрения христианской морали – порицаемо, но оправдываемо отчаянием униженной добродетели, когда самоубийство перестает быть грехом и становится символом страдания. Это наложение языческих, стоических, христианских идей свойственно исключительно эпохе Возрождения.

Итак, проанализировав трансформацию мифа о Лукреции и места в нем темы самоубийства в течение 20 веков, мы можем констатировать следующее. Во-первых, кардинально изменяется главная героиня: из гордой, самоуверенной и разгневанной римской матроны у Ливия она превращается в кроткую жертву изнасилования у Овидия, в преступную развратницу у Августина, невинную христианскую святую у Чосера, воплощение идеальной женственности у Гауэра и, наконец, патетику и пафос Шекспира. Во-вторых, смещаются акценты: в античности они расставлены на политическую роль Лукреции, самоубийство вдохновляет римлян на восстание, т.е. является лишь поводом, пусковым механизмом важных событий. В средневековье они смещаются к истории христианской души; удаление от социального контекста

превращает Историю в историю борьбы души и греха, самоубийство видится сугубо теологическим вопросом. В эпоху Возрождения авторы видят в мифе личную и социальную трагедию, а самоубийство становится центральной темой поэмы Шекспира «Лукреция».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Августин Блаженный. Полное собрание сочинений: в 22 книгах. - М.: Изд-во спасо-преображенского монастыря, 1994. - Т.1 Книги 1-7: О Граде Божием / Августин Блаженный. – 394с.
2. Аникст, А.А. Творчество Шекспира. / А.А. Аникст. - М.: Худ. Лит., 1963. – 615с.
3. Ливий, Т. История от основания Рима. / Тит Ливий // Античная литература. Рим. Антология. Сост. Н.Ф. Федоров, В.И. Мирошенкова. 2-ое изд., испр. М.: ВШ, 1988. – С.511-529.
4. Овидий. Фасты / Овидий // Элегии и малые поэмы / Пер. с латин. Ф.Петровского. - М.: Худож. лит., 1973. – С. 235-374.
5. Шекспир, У. Полное собрание сочинений: в 8 томах. - М.: Искусство, 1960. – Т.8: Лукреция / У.Шекспир. - С.371-298
6. Bertolet, Craig. From Revenge to Reform: The Changing Face of “Lucrece” and Its Meaning in Gower’s “Confessio Amantis” / Craig Bertolet // *Philological Quarterly*. – 1991. Vol.70. - P. 403-421.
7. Chaucer, J. Legend of Lucrece/ Geoffrey Chaucer // *Legends of Good Women*. PP. 648-651.
8. Donaldson, Ian. The Rape of Lucretia: A Myth and Its Transformations / Ian Donaldson // Oxford: Clarendon Press, 1982
9. Gower, John. Confessio Amantis/ John Gower // Ed. Russell A. Peck. Medieval Academy Reprints for Teaching. 9. Toronto: University of Toronto Press, 1980. – 67p.
10. MacDonald M., Murphy T.R. "Sleepless Souls: Suicide in Early Modern England"/ M.MacDonald, T.R.Murphy. - Oxford, 1991. – 439p.
11. Renda, P.A. Mythopoesis and ideology in late Medieval and Early Modern Versions of Lucrece and Philomela / P.A. Renda // Chicago: the University of Illinois, 2005. – 211p.
12. Saunders, Corinne. Rape and Ravishment in the Literature of Medieval England / Corinne Saunders. - Cambridge: D.S. Brewer, 2001. – 239p.
13. Troyes, Chretien de. Philomena et Procne. In Three Ovidian Tales of Love / Chretien de Troyes. - Ed. and trans.Raymond Cormier, Garland Medieval Library. New York and London: Garland, 1986 - Series A - Vol. 26 – P.182-297.
14. Turk, Sabrina de. Conflicting Desires: Sexuality, Chastity, and The Representation of Lucretia in Sixteenth-Century Venetian Painting / Sabrina de Turk // Arbor, Bryn Mawr College Press, 1998. – 405p.